

УДК 821.161.1-3

СВОЕОБРАЗИЕ РЕЦЕПЦИИ ХРИСТИАНСТВА В ПРОЗЕ Л.УЛИЦКОЙ 2000-Х ГГ.

© О.Ю.Осьмухина

В статье анализируется восприятие христианской этики, идей русской религиозной философии в сборнике прозы non-fiction «Священный мусор» и в художественных текстах («Даниэль Штайн, переводчик», «Зеленый шатер») Л.Улицкой.

Ключевые слова: христианство, роман, эссе, соборность, аллюзия.

Общеизвестно, что на протяжении всего творческого пути – от ранних рассказов и «Медеи» до «Даниэля Штайна, переводчика», «Зеленого шатра» и сборника эссе «Священный мусор» – Л.Улицкая осмысливает ряд важнейших для нее тем: человеческого предназначения и истории, культурной и социальной идентичности, судеб своего поколения и взаимоотношений мужчины и женщины, времени и вечности, жизни и смерти, духовности и бездуховности, нравственного долга личности. При этом каждая из них так или иначе коррелирует с перманентными размышлениями писательницы о религиозной, христианской «составляющей» человеческого бытия.

Примечательно, что последняя на сегодняшний день книга Л.Улицкой «Священный мусор» (2012) завершается знаменательным признанием: «Я не уверена, что в графе “вероисповедание” могла бы поставить без колебания слово “христианка”. <...> Но все-таки хотелось бы, чтобы мои друзья простились бы со мной так, как это принято у христиан. Хотя я не совсем уверена, что состою в этой огромной армии. Про христианство я знаю, что оно может быть прекрасным. А может и не быть» [1: 477]. Личный путь к Богу, осмысление того, чем является этот путь, что есть христианство, а также проблема возможности диалога между различными религиями – вот тот спектр вопросов, которые занимают писательницу в большинстве эссе, собранных в книге. При этом все они в конечном итоге сводятся к авторским рассуждениям о христианстве как воплощении толерантности или, что для Улицкой тождественно, толерантности как реализации христианских заповедей: «Первая и необходимая составляющая – принцип неосуждения. Он знаком христианам, можно сказать от них и пришел <...>: “Не судите, да не судимы будете”. <...> Это вполне достаточный принцип для общения с окружающими, которых мы, в силу нашей немоции, не можем называть ближними по той причине, что они не так

выглядят, не так едят, не так молятся <...> Второй необходимый принцип – милосердие, или сострадание. <...> Наконец, третье: про любовь, которая превыше всего и которой не хватает <...> Не лучше ли нам, противникам толерантности, и нам, ее сторонникам, объединить свои усилия в тех областях, где мы сходимся, – помогать тем, кто нуждается в помощи, не делая различия между “эллином и иудеем”, между грешным и праведным, и не выносить суждения (уточним: осуждения) тем, кто придерживается иных взглядов» (уточнение Л.Улицкой – О.О.) [1: 322-324]. «Христианство» Л.Улицкой выходит за пределы его канонического определения – оно не столько догматично, сколько «практично» в смысле практического воплощения заповедей, достойного бытия личности, понимания и приятия «дружости» окружающих.

Еще несколько лет назад бурную полемику и негативные оценки специфической трактовки христианства писательницей, особенно среди консервативно настроенной еврейской [2; 4] и православной культурной общественности [3; 5], вызвал роман «Даниэль Штайн, переводчик» (2006). По нашему мнению, не вполне адекватное восприятие книги обусловлено непониманием ее глубинного смысла: роман характеризовался как «антихристианский» [5], «антиеврейский» [3; 4]; автора обвиняли в том, что ей «очень не нравится, что в настоящее время Русская Православная Церковь, после стольких лет гонений, находится на подъеме, укрепляется» [5]; указывали на «непоследовательность» изложения, а зачастую и неверную трактовку христианских постулатов главным героем. Действительно, Даниэль Руфайзен не разделяет христианских догматов, к примеру, о непорочном зачатии: «Мы почитаем Его как нашего Спасителя, Учителя и Сына Божия. И почитаем Его святых родителей. Однако соединение двух слов “Бог” и “родить”, из которых произведено слово “Богородица” <...> совершенно немыслимо в еврейском

языке, в еврейском сознании... “родившая бога” – у благочестивого еврея от негодования отвращаются уши! А ведь половина христианского мира чтит Мириам именно как Богородицу... Бог, Творец всего сущего, Созидатель мира и всего в нем живущего, не был рожден женщиной... Легенда о рождении Иисуса от Марии и Святого Духа – отголосок эллинской мифологии. А под этим почва мощного язычества, мир великой оргии <...>. Все это проникает в христианство – просто кошмар!.. Я так люблю Благовещение. Это очень красивая картинка – сидит Мириам с лилией, возле нее архангел Гавриил и белый голубь над головой Девы. Сколько же невинных душ уверено, что Мириам понесла от этой птички! Откуда оно взялось, это таинственное зачатие, что мы о нем знаем? Что думали евангелисты о бессеменном зачатии? Да ничего особенного не думали!.. И все эти легенды о непорочном зачатии родились в порочном сознании, которое видит в брачном союзе мужчины и женщины грех. Лично я не могу принять догмат о непорочном зачатии Девы Марии так, как он преподносится сегодняшней церковью. Я очень люблю Мириам – вне зависимости от того, каково было ее зачатие. Она была святая женщина и страдающая женщина, но не надо делать из нее родительницу мира» [6: 281]. Аналогичен скепсис главного героя по отношению к Святой Троице: он полагал, например, что Троица – это поздняя идея, греческая, не свойственна иудаизму. При этом Даниэль не отрицал Святого Духа, Спасителя, считая, что «сама идея Троицы, при всем ее огромном значении для христианства, не является основанием веры» [1: 386]. Основание же христианства – сам Христос, Богочеловек, «живой Бог для живых людей» [6: 351], а потому принципиальным для него становится вопрос «Во что веровал наш Учитель? Вопрос не о том, что Он проповедовал, а именно – во что Он веровал» [6: 351]. И брат Даниэль в романе предлагает весьма нетрадиционное для теологии понимание христианства, исповедуя идею «первоначальной» религии с объединяющим началом для христианства и иудаизма.

На наш взгляд, «неточности» в толковании евангельских текстов Даниэлем Штайном не принципиальны, поскольку авторские задачи были несколько иные. «Я <...> больше всего хочу написать о Даниэле <...> Только о Даниэле. Но я полностью отказалась от документального хода <...> Начала писать роман, или как это там называется, о человеке в тех обстоятельствах, с теми проблемами – сегодня. Он всей своей жизнью втащил сюда целый ворох неразрешенных, умалчиваемых и крайне неудобных для

всех вопросов. О ценности жизни, обращенной в слякоть под ногами, о свободе, которая мало кому нужна, о Боге, которого чем дальше, тем больше нет в нашей жизни, об усилиях по выковыриванию Бога из обветшавших слов, из всего этого церковного мусора и самой на себя замкнувшейся жизни» [6: 123]. Как мы уже отмечали, «обозначенные в романе “неудобные” и “неразрешенные” вопросы так или иначе затрагивались писательницей практически во всех предыдущих произведениях, правда в ином, “сниженном” по сравнению с историей Штайна контексте» [7: 155]. Это все те же проблемы добра и зла, человека, терпимости / нетерпимости, любви к ближнему. Однако в «Даниэле Штайне» очевидно меняется ракурс традиционной для Улицкой тематики – на первый план выдвигается не просто «еврейство» и конфессиональные разногласия, но проблема возможности понимания других вне зависимости от религиозных и иных различий и сохранения при этом себя. Пройдя долгий и страшный путь, неся в себе «бесконечный опыт смерти», Штайн даже «из этого ужасного опыта» выходит «радостным и светлым». Его «парадоксальная» вера превращает его если не в святого, то в настоящего праведника, в котором эгоцентризм вытеснен полностью. И для главного героя, и для самой писательницы доминантны отнюдь не богословские рассуждения, но «практическая» составляющая христианства: «Никто не спросит нас, что мы думали о природе Божественного. Но спросят: что вы делали? Накормили ли голодного? Помогли ли бедствующему?» [6: 181]. Более того, Даниэль верил, что «Иисус раскрывает сердца, и люди освобождаются Его именем от ненависти и злобы» [6: 499].

Книга Улицкой, конечно, не апология святого, однако ее проблематика, разрешением которой занимается главный герой, актуальна для современности – возможность диалога, взаимопонимания культур и религий. Профессия Штайна, принципиально вынесенная в заглавие, становится метафорой его миссии: Даниэль – переводчик, толмач, что обретает библейский смысл преодоления вражды и разобщенности. Церковь, которую он строит, конечно, неканоническая, но она должна стать одинаковым пристанищем и для иудеев, и для православных, и для католиков, и для протестантов. Так, во время беседы с Папой Даниэль замечает: «Церковь выбросила евреев. Я так думаю. Но не важно, что думаю я, – важно, что думает Павел! Для него «единой, кафелической и апостольской» была Церковь из евреев и неевреев. Он никогда не представлял себе церковь без евреев <...>. Он был посланником дочерней церкви, церкви «от язычников». Он

приходил к материнской церкви, к тому перво-христианству, к иудео-христианству, потому что в нем видел источник существования...» [6: 243].

В своем романе через историю главного героя, еврея по национальности, спасшего во время Второй мировой войны узников гетто, принявшего христианство и ставшего католическим священником, Л.Улицкая размышляет не столько о «еврейском» вопросе, «правильности» или «неправильности» той или иной конфессии, сколько о христианстве в его «идеальном» варианте как способности к всепрощению, бескорыстной любви к ближнему, состраданию и человеческому Всеединству. Даниэль Руфайзен изображается писательницей как человек в высшем смысле этого слова, носитель особого «света» в душе; и хотя он лишен ореола святости, он обладает неким «особым» знанием: «Я убеждена, что у Даниэля была связь с Высшими Силами – с Богом “или тем, что вы под этим подразумеваете...”» [1: 383]. Кстати, вспоминая личную встречу с «реальным» Руфайзеном, сама Улицкая отмечала: «...Даниэль Руфайзен <...> Очень приветливый, очень обыкновенный. Но при этом я чувствую, что-то происходит – то ли кровлю разобрали, то ли шаровая молния под потолком стоит. Потом я поняла – это был человек, который жил в присутствии Бога, и это присутствие было таким сильным, что и другими людьми ощущалось» [6: 497].

Писательница, по сути, приглашает к обсуждению поставленной в романе проблемы толерантности религиозного мира, утраченной в современном историко-культурном пространстве. И не столь важно, в конечном итоге, что замысел Даниэля не поддержан никакой официальной церковью; главное – в другом: его духовный путь, служение, подлинная вера символизируют жертвенность, столь редкую сегодня способность понять и услышать другого; роман же в целом заставляет, если не изменить не всегда правильный мир вокруг нас, то, по крайней мере, задуматься о мире, о других, признавая и в них самостоятельное бытие.

Мысль о христианском всепрощении, толерантности, объединяющем начале, национальном примирении, которая перерастает в идею соборности, Л.Улицкая развивает в романе «Зеленый шатер» (2011). При этом писательница интерпретирует ее как идею преодоления разобщенности – этнической, социальной, человеческой. В «Зеленом шатре» это, во-первых, воплощается в сновидческом образе «зеленого шатра»: «На огромном ковровом лугу стоит большой зеленый шатер, а к нему тянется длинная очередь,

целая толпа народу <...> А двери никакой нет, такая толстая ткань, как портьерная, что ли, и этот полог как раз отогнулся, а оттуда музыка – не могу сказать какая, с запахом таким, какого нельзя вообразить, и как будто светится» [8: 162-163]. «Зеленый шатер» – это не просто увиденный во сне одной из героинь романа образ, символизирующий иную, вечную жизнь (и в этом отношении – сознании радости смерти как непременно условия для созерцания «невыразимой славы Божьей» [9: 125] – Улицкая близка универсализму христианской этики Я.А.Коменского). Это и метафора, ставшая заглавием книги и прочитывающаяся как всеобщее примирение за пределами вещного мира, как духовное перерождение личности вне обывательной реальности.

Во-вторых, отнюдь не случайно приобщается к православию другая героиня романа – увлеченная наукой Тамара. Пережив любовное разочарование, предательство, смерть друзей, она «сильно полюбила Иисуса Христа, и от этого многое в ней переменялось» [8: 281]. Именно вера в Бога помогает ей не просто изжить в себе многолетнюю неприязнь к Гале, но научиться прощать, жить для других, обрести гармонию и душевное спокойствие: «...Тамаре теперь что – побормочет свое: “Ей, Господи, дай мне видеть мои прегрешения и не осуждати брата моего...”. И ей легко» [8: 283].

В-третьих, «личное» христианство Л.Улицкой, как нам представляется, включает в себя идею сакрального, религиозного значения творчества, сформулированную Н.А.Бердяевым: «Творчество есть дело богоподобной свободы человека, раскрытия в нем образа Творца» [10: 112]; «Творчество не есть только борьба со злом и грехом – оно создает иной мир, продолжает дело творения» [10: 114]. Подобное значение концепта творчества реализуется в финале «Зеленого шатра», когда мысль о вневременности, непреходящей ценности творчества высказывает один из главных героев Саня Стеклов – творец и музыкант: «Кажется, ничто ценное не устареет. Потому что в мире всего великое множество и миров великое множество <...>. Мир Бетховена, мир Данте, мир Альфреда, мир Иосифа...» [8: 586]. Кроме того, по Н.Бердяеву, творчество сродни религиозному служению, а гений – это тот же святой, поскольку в его творчестве «есть как бы жертва самим собой» [10: 173]. Для Л.Улицкой же гений не выключен из обыденности, из мира, скорее он «невместим» в «мирском устроении», он всегда вне времени: «...Не просто человек с божественным даром к поэзии или к музыке, а человек, который, как ле-

доход, идет впереди времени и разбивает стену, разбивает лед, прокладывает новую дорогу, и за ним уже могут плыть всякие маленькие корабли и лодки. По следу гения устремляются самые чуткие, способные люди, а потом уже толпа, и откровение делается общим местом. <...> А они – впереди времени» [8: 585].

И наконец, христианские темы и идеи, осмысливающиеся в художественном творчестве писательницы не по церковно-религиозному канону, но через посредничество русской религиозной философии (идеи соборности и всепрощения, сакральности творческого акта), обретают парадоксальный экзистенциальный аспект «несмешиваемости себя с миром», соотносимый с детским одиночеством и «отчаянием непринадлежности ни к чему» [1: 476] в ее эссеистике. Так, в «Священном мусоре», подводя итог собственным духовным поискам, Л.Улицкая проследживает процесс своего, личного восхождения к вере – от разочарования в антропософии, через общение с отцом Андреем Сергеевко и отцом Александром Менем к «критическому чтению» и размышлениям над вопросами, сама «постановка которых рассматривается как ересь» [1: 473]. Добавим, что несомненное воздействие на личное «прочтение» писательницей христианской этики оказало и знакомство с Даниэлем Руфайзеном, что отразилось еще в «Даниэле Штайне». И в этом случае можно говорить о весьма специфической форме «нового биографизма» – мировоззренческой, религиозной самоидентификации автора в прозе non-fiction через «экспликацию “авторского сюжета”» в парадигме сугубо художественной, становящегося, по справедливому замечанию Т.Н.Бреевой, «выражением некоего проблемного “комплекса”, составляющего своеобразный метасюжет» [11: 15]. Так, в «Священном мусоре» идеи Л.Улицкой относительно христианства, веры вообще, «проговоренные» практически во всех ее предыдущих художественных текстах, обобщаются. Теперь, однако, рассуждения сугубо умозрительные дополняются социальной «составляющей»: «Давно известно, что церковь гонимая крепнет, церковь властвующая растлеваются. Христианство – религия бессребреников и юродов, тощих и сырых, а не раскормленных и самодовольных, к тому же презираю-

щих все остальное человечество, которое не называет себя христианским. Да, в отличие от иудаизма, который есть религия возможного, христианство – религия невозможного. Чем и притягательна. А то, что мы наблюдаем сегодня, вызывает большое отторжение и лично меня толкает к тому экзистенциальному одиночеству, которое помню со времен юности» [1: 476]. Как заключает Л.Улицкая, «уроки христианства до некоторой степени усвоены». Однако являются они собой христианство персоналистическое, не канонически понятое и становятся важнейшей составляющей писательского мировидения.

1. Улицкая Л. Священный мусор. – М.: Астрель, 2012. – 476 с.
2. Горелик М. Брат Авигдор // Лехаим. – 2007. – № 10 (186). // URL: <http://www.lechaim.ru/ARHIV/186/gorelik.htm> (дата обращения 21.04.2013).
3. Кокишинева К. Дыра нового атеизма: О романе Людмилы Улицкой «Даниэль Штайн, переводчик» // URL: <http://rusk.ru/st.php?idar=114095> (дата обращения 13.04.2013).
4. Кориц М. Две тысячи лет спустя // Лехаим. – 2007. – №3 (179). // URL: <http://www.lechaim.ru/ARHIV/179/korits.htm> (дата обращения 22.04.2013).
5. Павлова Н. Антихристианская книга. Размышления православной христианки над книгой Л.Улицкой «Даниэль Штайн, переводчик» // URL: <http://www.pravoslavie.ru/smi/37472.htm> (дата обращения 20.05.2013).
6. Улицкая Л. Даниэль Штайн, переводчик. – М.: Эксмо, 2006. – 528 с.
7. Осмухина О.Ю. В поисках утраченной толерантности. Людмила Улицкая // Вопросы литературы. – 2011. – № 1. – С. 144 – 158.
8. Улицкая Л. Зеленый шатер. – М.: Эксмо, 2011. – 592 с.
9. Коменский Я.А. Лабиринт света и рай сердца / Пер. Н.П.Степанова; под ред. В.Бибикина // Коменский Я.А. Сочинения. – М.: Наука, 1997. – 476 с. – (Памятники философской мысли)
10. Бердяев Н.А. Смысл творчества // Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры, искусства: в 2 т. – Т. 1. – М.: Прогресс, 1994. – С. 112 – 245.
11. Бреева Т.Н. «Новый биографизм» в современной русской литературе // Филология и культура. Philology and Culture. – 2012. – № 4 (30). – С. 14 – 17.

**PECULIARITY OF RECEPTION OF CHRISTIANITY
IN THE PROSE OF L.ULITSKAYA IN 2000s**

O.Yu.Osmukhina

The article analyzes the perception of Christian ethics, the ideas of Russian religious philosophy in L.Ulitskaya's collection of non-fiction prose "Sacred Trash" and in fiction ("Daniel Stein, a translator", "The Green Tent").

Key words: Christianity, novel, essay, catholicity, allusion.

* * * * *

Осьмухина Ольга Юрьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы ФБГОУ ВПО «Мордовский государственный университет им.Н.П.Огарева.

E-mail: osmukhina@inbox.ru

Поступила в редакцию 06.05.2013